

ИСТОРИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА (социокультурная интерпретация)

Андрей Антоняк

Наше выступление и тему «спровоцировала» «юбилейная» ленинская статья «Партийная организация и партийная литература», ставшая «классикой» на протяжении социалистической эпохи. Но социализм канул в Лету, и, оказывается, что остальное уже не важно. Важно. Она, как пишет Евгений Добренко в статье «Литература должна стать частью...»,¹ представляет собой «вечно живое наследие». Поэтому нас, конечно, будет интересовать не сама история статьи, мы попробуем затронуть некоторые моменты самой истории России, позволившие создать условия для её (и не только её) возникновения как социокультурного явления.

Следующим моментом, заставившим нас обратиться к истории России, является насущная необходимость переосмыслить и пересмотреть бытующие взгляды на русскую литературу, возникшие как раз под влиянием упомянутой статьи.

И третьим импульсом, была бесконечная смена «заморозков» и «оттепелей» в русской и советской истории, позволявшая, иногда, прямо противоположно оценивать одно и то же явление литературы. «Чтобы знать, - пишет названный автор, - чем в данный момент является тот или иной текст - "суровым реализмом" или "очернительством", "революционным романтизмом" или "лакировкой", - нужно "руководствоваться принципом партийности" - этим компасом в бурно меняющемся мире». Статьей Ленина мы увлеклись ещё и потому, что перед нами, перифразируя мысль Евгения Добренко, имеется запись всего генетического кода русской соборности.

Употребленное нами понятие «соборность» подсказывает, что мы не хотим ограничиваться лишь одним публицистическим явлением в русской литературе. Но раньше, чем мы перейдём к его более подробному рассмотрению, приведём небольшой отрывок из книги Наума

¹ Добренко, Е.: «Литература должна стать частью...». Литературная газета от 8. 11. 1996, с. 5.

Яковлевича Берковского «О мировом значении русской литературы».² Он пишет: «У Толстого в "Кзаках" есть эпизод, где наглядно, резким литературным приемом выражено, как понимает Толстой отношение между индивидуальностью и остальным миром, от которого она отделилась. Оленин подъезжает к станице Новомлинской, назначенной ему. До этой минуты повествование занято было целиком Олениным, петербургским жителем и офицером. Но тут он брошен Толстым, как будто навсегда забыт». Далее следует описание жизни в станице со всеми её деталями. И «лишь когда все эти подробности зримо, осязательно и с должной внушительностью пересказаны, лишь тогда повесть опять возвращается к Оленину».³ В этнографической последовательности в описании станицы автор нуждается потому, чтобы выразить ее превосходство над миром Оленина, ибо объективный мир, как утверждает Берковский, всегда преобладает над миром отдельной личности. «Жизнь коллективную, - продолжает критик, - русские художники умели представить как богатство. Каждая подробность о станице Новомлинской говорит Оленину одно и то же: смотри, как ты беден и как богаты там, смотри: всякий другой человек может стать для тебя откровением».⁴ Мы вполне разделяем мнение критика, который подчеркивает патриархальный характер «Кзаков», не удивляет нас и тот факт, что Л. Толстой, поставивший своей целью художественно решить, между прочим, проблему взаимоотношений общества и личности, назвал её «Кзаки». Добавим, что для Толстого и других русских художников слова, личность приобретает своё значение лишь тогда, когда она подчиняется большому миру. В русской традиции мы не находим аналогии личности, с которой встречаемся на Западе. Перечитывая статью Ленина, монографию Берковского, произведения не только названного Толстого, мы постоянно приходим к заключению: они - люди русской соборности.

Феномен соборности - явление чисто русское, возникшее на основе вечового идеала и составляет вместе с авторитарной властью дуальную оппозицию. Славянофилы рассматривали соборность как братскую общность, исходящую из принципов жизни крестьянской общины, где с давних времён превалировали ориентации на «мы». Авторитарная власть и соборность (локальный мир) находятся в амбивалентном отношении и являются, на наш взгляд, тем ключом, без исчерпывающего изучения которого нам не удастся убедительно объяснить и вопросы чисто литературного характера. Лишь осмысление исторического развития России история перестанет нам казаться капризным

² Берковский, Н. Я.: О мировом значении русской литературы. Издательство «Наука», Л., 1975, с. 59.

³ Там же, с. 59.

⁴ Там же, с. 60.

демоном, играющим с личностью и целыми народами странную игру. Непонимание смысла собственной истории в России выразил художественным словом Ф. Тютчев в известном стихотворении:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У неё особенная статья -
В Россию можно только верить.

И действительно, оказывается, что в России больше верили, чем искали подходящие средства во имя избежания социальной энтропии.

Понятие «соборность» теснейшим образом связано с существованием локального мира, общины, той исходной клеточки, которая стала носителем не только воспроизводственной деятельности, но и источником специфической культуры, для которой была характерна замкнутость, статичность, преобладание монолога, инверсионных форм логики, общность интересов, где не находила место интерпретация и т. п., что в конечном итоге создавало нравственный идеал, выраженный в им присущей Правде. Всё остальное, находящееся за рубежом мира, воспринималось враждебно, как носитель зла. На противопоставлении Правды - Кривды формировался нравственный идеал локального общества на протяжении столетий, включая и XX век. Всё, что было связано с правдой локального мира, рассматривалось как комфортное состояние, а остальное, выходящее за рамки мира, воспринималось как состояние дискомфорта.

Киевские князья не сумели объединить восточные земли в единое большое общество. После смерти Ярослава локальные миры взяли верх, начались междоусобицы, грабежи, истребляли ресурсы не во имя захвата территорий, а захвата собственных соотечественников (чаще всего для продажи в рабство). В 1169 году несколькими князьями был разграблен Киев, не щадя ни женщин, ни детей, ни культурных памятников. Массовое сознание оказалось слишком слабым и неспособным поддерживать возникшую государственность. Соборный идеал в действительности потерпел крах. Судьба великороссов уже в самом начале была «печальна и сурова» (Кавелин К. Д.).

Россия не нашла консенсуса ни при Иване IV, когда соборный идеал, в результате инверсии, обернулся авторитаризмом. Не дала положительных результатов ни опричнина, избиение бояр, которые в результате террора ещё больше тяготели к местным интересам. С возникновением государственности устанавливаются отношения между князьями и локальным миром, где позитивный полюс характеризуется соборностью как высшей ценностью, а отрицательный полюс представлен властью князей с их авторитарными стремлениями. Наступление князей на традиции соборного идеала возбуждало дискомфортное состояние. История России нам представляется как постоянные поиски подходящего договора между приведёнными полюсами при

минимальных интерпретационных стремлениях, т. е. без такого осмысления сложившегося положения, которое в противоположность экстраполяции не сводится к одному из полюсов оппозиции, и вводит качественно новый смысл, чем возникает новая оппозиция на более высоком уровне. Иван IV был убежден, что бояре, а не сложившаяся система сообществ является основным тормозом на пути создания единого большого общества; террором он лишь разрушал основы государственности такого общества.

В России уже при царе Иване IV существовало двоевластие: власть локальных миров со своими ценностями жизни и власть государственной элиты. Возникший раскол не удалось устранить ни Петру I, ни Екатерине II, ни Александру I. На протяжении следующих столетий в русской истории встречаем с парадоксальным явлением: чем больше цари прикладывали усилий для удаления раскола между верхами и низами, тем более они открывали путь ещё большему хаосу. Разные слухи о подложных царях, царях-антихристах, немчёнках, «жидовинах из рода Данова», отсутствие абсолютного доверия к правительству и т. п., лишний раз свидетельствуют о существовавшей пропасти между локальными обществами и государственностью. Особенно выпукло это оказалось во время пугачевского восстания. Пугачев выступил как носитель извечной догосударственной локальной Правды, как носитель свободы всех, т. е. крестьян. В обращениях к массам обещает им свободу и вольность, свободу и тишину на одной стороне, и приказывает истреблять «всех до смерти» «злодеев-дворян». За разорение 10 дворянских домов он давал генеральский чин! Ненависть к властям достигла патологических размеров, постановления правительства толковались в народе совершенно превращенным образом. Медиационные стремления власти были постоянно парализованы. Следует подчеркнуть, что в художественной литературе мятежи, протесты, восстания обычно изображаются, как реакция на насилие, эксплуатацию со стороны государства, что, на наш взгляд, лишь полправды. В восстаниях русского народа против властей несомненно существует и указанный элемент, но все же писатели, как правило, не обращали внимание на самое главное: они не видели, что восставшие старались уничтожить не причины зла, а тех, которые в соответствии с синкретическими представлениями казались им носителями зла, оборотнями, антихристами, нарушающими извечные законы большого мира, всё, что было в противоречии с их Правдой. «Жидкий элемент» с упрямой последовательностью защищал крепость своего общества вплоть до начала XX века, и всегда готов был бросить государство на произвол судьбы.

Начиная Радищевым, прочное место в русской мысли находит мотив покаяния. Большой народ начинает рассматриваться как тотем, как единственный источник Правды. Нравственный идеал локального мира стал определяющим для России: царь остался на своем месте как позитивное начало, всё остальное, находящееся между ним и локаль-

ными обществами, негативное, в том числе и духовная элита. Расправа с декабристами воспринималась как положительное явление («Начали бар вешать и ссылают на каторгу, жаль, что всех не перевешали...»⁵). Произошел раскол и в среде самой духовной элиты: одна часть была склонна к переменам, другая опиралась на консервативное массовое сознание локального мира.

Л. Н. Толстой, адвокат стомиллионного народа, является носителем и певцом Правды, т. е. локального мира. Не удивляет нас, что и название повести «Казаки» в этом смысле было самым ярким носителем правды локального патриархального мира. Нравственному идеалу этого мира подчинена композиция повести и изображение отдельных, т. е. двух противостоящих стихий: Оленина - дворянина со всеми ему присущими чертами человека, стоящего за рубежом мира, и стихия самого мира (личностные отношения, непосредственные эмоциональные связи, господство общих интересов над личностью и т. д.).

Личность и общество представляют собой противоречивое единство и находятся в амбивалентном соотношении. Субъект в истории человечества несёт всю ответственность за воспроизводство культурных и социальных отношений. Можно сказать: таково общество, какова личность; уровень общества зависит от уровня личности, которая постоянно преодолевает некоторую сложность окружающего мира. Оплошности в культивировании личности трагически сказываются на всем обществе.

Личность в локальном мире была подчинена коллективу, где теряла свое «я». Идеал тишины, статичности, низкий уровень рефлексии, отождествление своих идеалов с общей Правдой, подавление личной инициативы, преобладание уравнилости, являются ведущими чертами менталитета личности такого общества, что, в конечном итоге, ведет к ее деградации, но не к уничтожению.

В русском обществе личность стояла на периферии общественных стремлений, ведущей ценностью которого была коллективность локального мира, что в таком обществе постоянно порождало возрастающую дезорганизацию.

Примерно в том же ключе Н. Я. Берковский трактует и значение всей русской литературы: обожествление коллективности, народности, скрытое богатство локальных миров, непризнание качеств сильной, самостоятельной, из локального мира выламывающейся личности, которая, как правило, всегда стоит ниже этого мира. «В простейших союзах русские художники находили для себя подсказ, как им быть и как им поступать (у духовной элиты иные задачи в обществе - критическая рефлексия, а не подражание ему. А. А.) в непростых задачах современной коллективной жизни, в простейших союзах они видели

⁵ Декабристы. Москва 1926, с. 37.

прообраз большого общенародного союза людей...».⁶ Каратаев у Л. Н. Толстого по Берковскому «самое коллективное из всех существ», хотя он одиночка, бездомный, бессиленный, но его коллективность «должна быть выше всех остальных героев романа (Болконский, Ростова, Безухов и т. д.), ибо для Каратаева настоящей семьёй является - народная семья». Получается слишком искусственная, не убедительная и, просто, не научная трактовка художественного текста. И дальше читаем «Индивидуализм - ошибка, так как ударение он ставит на немощном, несодержательном и отрицает значение у остального мира...», «Индивидуализм ложно рассматривает оценку: он возвеличивает условное и унижает безусловное».⁷

В том же духе ценности локального мира противопоставляются остальным слоям России: буржуазным элементам, туеядцам, дворянам, помещикам - словом Всему «крапивному семени». Старик Маякин у Горького по уму и речи народный герой, но «по смыслу же своему и применению - это психология купеческая, кулацкая, эксплуататорская, этот герой Горького как бы совершает духовные кражи у народа и против народа, промышляет у него же краденым».⁸ Подобная трактовка расширяется на все творчество рассматриваемых писателей.

Третьим противопоставлением, с которым мы встречаемся у нашего критика, является противопоставление Россия - Запад: положительная, народная, коллективная Россия и индивидуалистический Запад со всеми попутными его недостатками. Для нас неубедительными являются возражения критика в адрес западным исследователям, обвиняя их в непоследовательности, поверхностности, в непонимании сути русской истории и русской литературы. «...ложный образ общественной России», они создавали «обыкновенно от негодных представлений о характере русской истории и русского культурного развития».⁹ Наоборот, нам кажется, что ими высказанные мнения в адрес художественной литературы во многом справедливы и представляют важный источник социокультурного изучения русской истории и литературы.

Социализм большевиков - это итог стремлений локальных миров и стремление раз навсегда отойти от полюса зла, от избавления капиталистов, эксплуататоров, помещиков во имя абсолютного добра примерно так, как это выразил А. Платонов в романе «Чевенгур»: «Социализм придет моментально и всё покроет. Ещё ничего не успеет родиться, как хорошо настанет. Теперь жди любого блага. Тут тебе и

⁶ Берковский, Н. Я.: Цит. произв., с. 43.

⁷ Там же, с. 61.

⁸ Там же, с. 66.

⁹ Там же, с. 33.

звёзды полетят к нам, и товарищи оттуда спустятся, и птицы могут заговорить, как отжившие дети - коммунизм - дело нештучное, он же светопреставление!»

В. И. Ленин исходя из инверсионной логики локальных обществ выразил Правду-справедливость сильно питаемую традиционализмом этих миров, которая ориентируется прежде всего на локальные производительные отношения; Маркс их охарактеризовал как «азиатский способ производства». Все, что выходило за рамки ценностей локального общества, провозглашалось за вражеское, неприемлемое, буржуазное. Ленинская статья послужила началом для стихийной борьбы с оборотнями зла и закончилась истреблением целых социальных групп, выселениями целых народов, ликвидацией духовной элиты, что в конечном итоге привело Россию к новой национальной катастрофе.

Исторический опыт Запада и России убедительно подтверждает, что одностороннее превалирование одних ценностей в ущерб другим приводит общества в тупик, а в конечном итоге, к катастрофам. Лишь уравновешенное культивирование всех ценностей, составляющих противоречивое амбивалентное единство в обществе при постоянной поддержке срединной культуры дают необходимые результаты, обеспечивающие здоровое функционирование макро- и микроструктур общества.